

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5454387>

Интриги.

Направленность: Слэш

Автор: [Арк Тайо](https://ficbook.net/authors/121624) (<https://ficbook.net/authors/121624>)

Фэндом: Yuri!!! on Ice

Пейринг или персонажи: Виктор Никифоров / ОМП (Стефан Ланге, Австрия), Кристоф Джакометти / ОМП (Стефан Ланге, Австрия), Йозеф Карпичек, Яков Фельцман

Рейтинг: R

Жанры: Психология, Hurt/comfort, AU, ER (Established Relationship)

Предупреждения: **BDSM**, **ООС**, **ОМП**, **Underage**, **Кинк**

Размер: Миди, 18 страниц

Кол-во частей: 3

Статус: закончен

Описание:

AU с танцами, элементами сословного деления общества и придворной куртуазности... а под всей этой привлекательной, но тонкой позолотой - интриги и разврат.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Является предысторией фанфика "Даже если рухнет весь мир, - танцуй" - <https://ficbook.net/readfic/5432422>, идеологически связан с драбблом "Espiritu" - <https://ficbook.net/readfic/5441056>.

В общем, автору очень нравится эта AU.

И разврат в ней - тем более.

ТОС

ТОС	2
А у Виктора всё хорошо.	3
Мелочи, про которые Виктор не осведомлен.	9
Такой любопытный принц!	17

А у Виктора всё хорошо.

Виктор ушам не поверил.

- Что сделать, Яков Борисович? – уточнил Виктор, отчаянно надеясь, что ослышался, и речь шла про Кристофа.

- Пригласи кавалера своего на ужин, - буркнул Фельцман еще мрачнее.

У Виктора осознание реальности поехало боком, юзом и зигзагом.

- Вы ж его на дух не переносите.

Подзатыльник платиновой красоте грозил уже минут пять как. Виктор иногда уточнял – «если дотянетесь», но сейчас не рискнул.

- Врага, Витя, надо знать в лицо.

Виктор обдумал.

- Он же согласится.

- Виктор, думай я об обратном, даже не заикнулся бы! Иди уже.

- А Криса можно?..

- С ума меня свести решил?!

- А если не будет Криса, с ума сойду я...

Яков Фельцман в очередной раз убедился, что случайно воспитал гениального шантажиста.

Кристоф к известию отнесся встревожено.

- А он точно ничем не болен? – хмурил швейцарец темные брови и дергал себя за крашеную прядь. – Tragedy, беспокоится за судьбу твою даль... ой.

Виктор демонстративно встряхнул кистью. Залепил дружку ребром ладони «промеж ушей» и встряхнул.

- Ну да, пластырь мне на пасть, - охотно согласился Джакометти с возмущенным взглядом друга. – Но, Вик!.. Стефана? В гости? Кто покусал твоего наставника?..

- Чтоб я знал! – в сердцах возмутился Виктор. – Мне кажется, он ищет способ придраться и запретить мне с ним общаться.

- О, это похоже на правду, - тут же поверил Крис.

- Но не найдет, - мстительно дополнила платиновая красота. И ослабилась острыми клычками весьма ехидно. Кристоф вспомнил прошлую ночь, потер плечо и решил клычкам этим больше воли не давать. Ну хоть пару недель.

Стефан на известие – простите, приглашение – отреагировал коротким «ладно», полным отсутствием расспросов и версий, и Виктор понял, что в итоге волнуется больше всех он сам. Вот с чего бы вроде, а? Внешне не придраться, даже если очень захотеть. А если постараться (точнее, чуть внимательнее порасспрашивать) – Стефан этих к себе поводов для придинок предоставит в немерянном количестве и вполне спокойно под их списком распишется. Виктора иногда подмывало порасспрашивать, но...

- Принц, оно тебе надо? – поинтересовался Стефан после очередного вопроса про сферу деятельности. – Если завтра вечером скажешь, что надо – можешь спрашивать о чем угодно.

Виктор подумал и через полчаса выдал вердикт.

- Мне оно не надо.

Кажется, с Фельцманом такой фокус грозил не пройти.

И не прошел.

- Не могу сказать, что рад видеть... но и с души не воротит, - вместо приветствия буркнул Яков.

Виктор вис на Кристофе (благо рост позволял) и мечтал полезть с поцелуями к «кавалеру».

Стефан холодному приему не удивился, маячившей на заднем плане парочке «элитного хулиганья» подмигнул и невозмутимо кивнул.

- Весьма взаимные чувства.

Виктор начинал думать, что Стефан умеет огрызаться так, что Якову скоро придется отступить. Причем огрызаться, не сходя с рельс вежливого и почти куртуазного общения.

- Зато я рад! – подала голос платиновая красота. Яков поморщился.

- Я тоже, - закивал Крис.

Ну и на чьей стороне численный перевес, а?..

Сначала Виктор радовался, что наставник отмалчивается. Потому понял – наблюдает!

Следит, и пристально следит за тем, как общается не сильно желанный гость с воспитанником и вполне расслабленно чувствующим себя Кристофом.

- *Крис, только попробуй отбить у меня Стефана!*

- *Твоего Стефана отобьешь... но пофлиртовать-то можно?!*

Нормально ведь общается. Привычно. Виктор снова себя почувствовал сильнее всех переживающим дураком.

- Виктор, ты нехорошо себя чувствуешь?

- Нормально все...

Ни разу не нормально.

А дружок, черт бы его побрала, еще и посмеялся, обволакивающе и нахально.

- У Виктора на глазах происходит сцена «знакомства с родителями», вот он и переживает, - поддел Крис.

Скотина какая-то, а не друг.

- Совершенно зря. Виктор, если бы твой наставник всерьез хотел предпринять меры в отношении нашего с тобой общения, я бы здесь не сидел.

Друг – та еще скотина, а Стефан – лучший.

- Ага, - жалобно кивнул Виктор. – Просто... неожиданно как-то.

Стефан пожал плечами.

- Врага надо знать в лицо. Я правильно понимаю вашу мотивацию, Яков?

- Проницательный.

- Более того. Друзей надо держать близко, а врагом – еще ближе. Хотя Виктору я не враг. Но так у вас будет иллюзия возможности проконтролировать... верно?

Фельцман поморщился уже привычно.

- Хорошо поставленная речь, даже и не заподозришь...

- Благодарю за комплимент.

Виктору показалось, что он что-то упустил. Вздох получился каким-то очень уж... недовольным.

- Вик, ты чего? – озадачился дружок, который та еще скотина.

- Я не понял, - честно сознался Виктор.

Кристоф посверкал своими кошачьими глазищами с поволокой (как будто постоянно про секс думает, хотя, почему бы и нет?), оперся подбородком на руку и подмигнул.

- Речь о том, что ты аристократ по рождению, я тоже, а Стефан своими манерами нам обоим фору даст, хотя... упс. Сейчас получится некрасиво.

- Выскажись красиво.

Кристоф охотно заулыбался. Обожал, когда кавалер Виктор его подначивает. У Кристофа и Стефана разница – действительно в два раза и даже больше. Кристофу льстило, что с ним разговаривают... как с равным. Хотя льстить должно было Стефану. По всем вышеуказанным причинам.

- Ммм. Дитя любви, не освященной венчанием и браком?

- Великолепно. А теперь точнее?

Брови у Якова недвусмысленно поползли вверх. Виктор почувствовал себя отомщенным – а вот нечего без его участия над Стефаном издеваться... пытаться, по крайней мере.

Кристоф еще более охотно наморщил нос, словно разгадывал шараду.

- Точнее, в смысле?..

- Чьей любви.

- Эм. Мужчины и женщины?..

- Логично.

Виктора повело. Ну Стефану же весело. И плевать ему на хмурающегося Якова. Он просто всегда вежливый и слегка... бесцеремонный. Слегка. То, что надо. А Виктор – переживает.

- Теперь не понял уже я! – пожаловался Кристоф.

- Например, принимая во внимание мою внешность, – дитя любви сарацина и католички.

Погрубее – дитя греха...

У Кристофа глаза округлились, став ну совершенно кошачьими. Виктор аж залюбовался.

А потом расхохотался, давая всему накопившемуся напряжению вылиться наружу.

Дружок рассмеялся вторым, все еще не веря, что кто-то может так легко позволить себя подначивать да еще и примеры приводить.

- Виктор! Кристоф! Такое ощущение, что за столом подростки...

Спасибо, что не «Виктор, Кристоф, Стефан». Хотя, прозвучи оно... Виктор был бы счастлив. Но не прозвучало. Да и смеялся Стефан беззвучно, наклонив голову и прижимая к губам салфетку. Вроде бы ничего не значащий жест.

- Понять не могу, почему тебе так легко с мальчишками в два раза младше?

Как можно резко посерьезнеть и перестать смеяться, Виктор не понимал тоже. Стефану вот удалось.

- Дело не в том, что мне легко с людьми, которых я старше или младше. Дело в том, что людям легко со мной... верно, Яков? Вы хмуритесь, но вам со мной легко. Им – одновременно – тоже.

- Просто уникальная способность.

- Еще комплимент? Я польщен.

Кристоф хмыкнул еще раз, не в силах остановиться так быстро.

- Или не способность?

Стало тихо. У Виктора занял затылок. Вот так обычно Фельцман начинал воспитательные беседы – пусть на самого Виктора лет с двенадцати действовало мало, но сам факт!..

- Талант и многолетняя практика, Яков.

- Даже не сомневался. И где же учат такому?

«Хватит!» - хотело заорать Виктору. – «Хватит его спрашивать! Он чудесный, мне хорошо с ним, прекратите, это неважно!..»

Видимо, наставнику важно. Затем и позвал. Чтобы разгромить на своей территории. И Стефан пришел...

- Попробуете догадаться?

...пришел, чтобы принять предложенную войну, понимает Виктор.

- И пробовать не стану. Слишком культурный для борделя.

- Боже, меня сегодня завалили комплиментами...

Яков не рассчитывал на такую спокойную реакцию, понимает Виктор, глядя, как начинает хмуриться наставник. Яков начинает проигрывать?..

- Сколько?

Он снова что-то пропустил?..

- Прошу прощения, что именно – сколько, Яков?

Судя по недоуменному взгляду Кристофа, не только он пропустил.

- Сколько лет в салоне протанцевал, проницательный.

- Семь... хм, нет, семь с половиной.

У Виктора осознание реальности снова едет боком, юзом, зигзагом. Кажется, у Кристофа тоже. Ну хоть в качестве проверки собственной не уникальности дружок хорош.

Стефан?..

Что?..

От того, как легко и естественно прозвучал ответ, реальность выгибается, как спина потягивающейся кошки. По-трес-ки-ва-ет искорками.

Яков хмурится и молчит. А Виктору очень хочется вцепиться в руку, в черную перчатку, в рукав с легкой серебристой вышивкой, Виктор только не понимает, зачем ему это – для себя или для Стефана.

Стефан салютует стаканом и пьет. И выгибает губы в усмешке.

- Вам действительно стало легче? Ну что же вы молчите, Яков...

Пришел, чтобы принять предложенную войну. Прекрасно зная, какой удар нанесут.

Виктор начинает ненавидеть наставника. Если Яков думает, что после такого он оборвет их общение!..

- Мне станет гораздо легче, когда я узнаю, чем человек, в которого безоглядно и порывисто влюблен Виктор, заработал все то, что сейчас имеет. Если бы ты так дорого собой торговал, то про тебя не успели бы забыть в столь короткий срок.

- Боже, вас действительно важны такие мелочи, и вы заставили принца волноваться... с этим фарсом и ужином...

...принять предложенную войну. Нет, воевать. Стефан пришел воевать, лава под коркой абсолютного спокойствия. И Виктор успокаивается тоже. Любовнику он доверяет.

Абсолютно. Любимое слово Стефана.

- Так чем же, проницательный?

- При Викторе и Кристофе хотите обсуждать?

- Есть что-то, чего ты стыдишься? После семи лет в салоне?

Ненавидеть Якова, оказывается, очень просто. И хочется заорать. Да только Стефан улыбается и не выглядит даже слегка обеспокоенным. Но оборачивается.

- Виктор, если ты желаешь это знать, останься. Если нет, я подожду, пока ты уйдешь.

Кристоф даже порывается встать. Смотрит на упрямо сжавшего губы Виктора и садится обратно.

- Хорошо, - продолжает улыбаться Стефан. Есть ли вообще что-то, что может его вывести из себя? Или это... талант и практика? Виктор хочет зажать уши и не слышать, Виктору кажется это предательством. – Кристоф?..

- Я тоже остаюсь.

Кристоф всегда был упрямым. Почти как и сам Виктор. Вот и дружат.

Смотреть за тем, как в пальцах Стефана слегка покачивает стакан с водой, почти зачаровывающее.

- Слова подбираешь, проницательный?

Оказывается, старик Фельцман может быть нетерпеливым. Хочет насладиться триумфом. Виктор заранее обещает себе, что Яков не дождется. Что бы Стефан не сказал.

- Да нет, в общем, - неожиданно мирно отзывается тот. – Никогда не использовал яд, но легко мешал снотворное и пару десятков разновидностей наркотика. По необходимости воздействия. Немецкий – родной, на английском читаю примерно с той же скоростью, а на слух могу понять еще пару языков. Вам ещё что-нибудь?

Виктор не понимает. Серьезно? Яд и наркотики? А при чем тут образованность?.. А салон?..

Да вот только Яков сереет, бледнеет, и, кажется, готов заорать и чуть ли не стол отшвырнуть в сторону.

Стефан усмехается.

Это его война, понимает Виктор. Война, к которой он привык. Стефан пришел сюда побеждать. Ради своего принца.

- Я ведь не обладаю такой исключительной внешностью, как Виктор или Кристоф... милостивый, это да. Так это называется, я верно перевел?

Да он издевается сам. Виктору очень хочется засмеяться. Но нельзя.

- Невысокий. Предсказуемый. Вежливый. Нетребовательный и умеющий быть незаметным... когда нужно. Вам было бы со мной комфортно, Яков?

А теперь наставник Виктора краснеет и ругается вполголоса. И, кажется, готов вышвырнуть вон зарвавшегося наглеца.

- О, нет, нет, совсем не то, что вы подумали!.. – примиряющее поднимает руку Стефан. – Просто как сопровождающий. Вряд ли вам бы пришло в голову каждый раз убирать со стола документы, когда к вам подходят, чтобы поставить чай или вино...

- Мразь.

- О, еще какая, - соглашается Стефан. – Знаете, какое это вызывает удивление... ммм... вполне симпатичный скромный парень из салона, абсолютно не требующий внимания или подарков, понимающий такой, талисман практически – пока он рядом, все отлично идет. А вернешь обратно в салон - и все наперекосяк... ммм. Досада-досада. Интриги рушатся, сделки срываются, вылезают наружу грязные тайны. Досада-то какая. Верно, Яков? Вы бы вот связали такие мелочи?.. О, впрочем, вы скорее обеспокоились, если бы все рушилось именно с его присутствием?

- На кого ж ты работал, дрянь такая?

- На того, кто заплатит. Один покровитель – это так скучно...

Циничная, скучающая и – да ладно! – слегка жеманная нотка? У Стефана?! Виктор неверяще встряхивает головой. Виктору подмигивают. Кристофа изображает, точно. Очень похоже изображает!

А у Якова вздулись жилки на лбу.

- И на кого сейчас?

На обветренных губах – все такая же легкая усмешка. Так же, когда Виктор говорит глупости или рассказывает про новый спектакль, или интересуется, а не заплести ли ему косу...

- На себя и слегка – на принца, когда ему необходимо.

- Убирайся.

Стакан с негромким стуком опускается на стол.

- Это был чудесный ужин, благодарю вас, Яков.

Такое жуткое ощущение неправильности, ощущение фарса. Разве война может быть

чудесной?

Только вот Стефан, уже поднявшийся и собравшийся уйти, коротко качает головой, наклоняется и шепчет Виктору на ухо, не отводя черного взгляда от обозленного Якова. И вот после этого сразу становится правильно, спокойно и уверенно.

- Не провожай, принц. Кристоф, удачи.

Виктор кивает, улыбается и машет вслед.

- Ну и что он тебе сказал?

Виктор жмурится. Виктор смотрит на наставника совершенно счастливыми глазами и подмигивает притихшему другу.

- Стефан сказал: «Нет смысла в том, чтобы ненавидеть проигравшего».

От того, с какой силой Яков хлопает дверью, покидая зал, вздрагивают стекла и Кристоф.

А у Виктора всё хорошо.

Мелочи, про которые Виктор не осведомлен.

Йозеф сочувственно кивает и подливает. Подливает и сочувственно кивает. Ничего не говорит, ждет, пока гость выговорится. Наругается всласть, если уж точнее. Это у них уже корпоративная этика акая – шалопаи и их наставники. Правда, Йозеф порой предпочитал настойку валерианы...

- Да видел я, видел, - кивает Карпичек на очередной риторический пассаж. Или уже не риторический? – Кристоф когда мне полвечера произливал душу, какой у Вика твоего друг шикарный, да взрослый, да умный, да все такое прочее, мне дежурно уже поплохело.

У Кристофа и Йозефа – почти отцовско-сыновьи отношения. Доверительные... Яков бы так точно не смог, давно бы залепил за рассказы. Вот и довоспитывался. Виктор молчит, как партизан. И кавалер у него – мразь, каких поискать.

- Тебе-то что поплохело, если эта дрянь Витьку... за Витькой ухаживала?

- Яков, ты сам подумай! – всплескивает руками Йозеф. – С какой неприметной радости тридцатилетний мужчина будет проводить время с двумя мальчишками, да так, чтобы от него таяли и плавилась с каждого слова?!.. Правильно. Салоны надоели, бордели тем более, а приличных мальчишек совратить – то еще развлечение.

С такого ракурса Фельцман не думал, получив уже готовое известие про кавалера Виктора от хранительниц светских сплетен.

- Я и проследил, - пододвигает Карпичек полный стакан. Друг и коллега пьет, уже не морщась. - Естественно, Криса в известность ставить не предполагая. И знаешь, успокоился как-то...

- А то! – снова взрывается Яков. – Дружелюбный, обаятельный... мразь, умеющая втираться в доверие! А этих... и развезло!

- В парке, шатающимися по траве босиком, – видел. Как камешки в пруд кидали – тоже видел. Как он Виктору руки зацеловывал... тоже.

Яков взрывается непере译имой тирадой, которую Йозеф переживает с философским спокойствием.

- И глаза Кристофа при всем этом видел. И, знаешь ли, был очень благодарен, что его не отсылали куда подальше. Ты знаешь же, Крис в Виктора твоего влюблен с того соревнования, безответно, преданно... год хвостиком ходил, а потом вон что выросло. Догнать, перегнать, все в восторге, нам с тобой сердечные капли бесплатно.

По мнению Якова, лучше бы уж непутевый, но гениальный воспитанник с Кристофом миловался по углам. Хоть статус да положение равные, а там что до осуждения – мальчишки... одумаются, остепенятся... нет же! Музыкальные салоны, девочки, мальчишки, театры и награды на всех соревнованиях, куда только дотянуться успевали! И вот теперь – это.

- Землю есть буду, но найду, за что этого ублюдка из города выслать.

- Яков, ты не горячись. Во-первых, Виктор может следом рвануть, - Фельцман давится, булькает возмущенно. – Во-вторых, хотел бы этот кавалер Виктору навредить – так возможностей предостаточно. А он даже Кристофа не тронул, простил и ни одной попытки рассорить его с объектом своего обожания не сделал.

- Даже?!

Карпичек пьет уже сам.

- Кристоф из ревности и отчаяния додумался до того, до чего люди в трезвом рассудке...

- Йозеф, да эта парочка уже все в жизни перепробовала, кроме грабежа на большой дороге!

- ...фактически изнасилование в этот список тоже не входит.

Все же Яков Фельцман давится и долго откашливается.

- Заметь, Яков, дальше рассказываю с истеричных покаянных исповедей своего подопечного. То есть за истину в последней инстанции не отвечаю.

Всех интересует только Виктор.

Гениальный, чудесный Виктор, похожий на девушку, на юношу, на ангела, на инкуба. А Виктора никто не интересует. Взял на минутку любую вещь, поиграл, да и просил, пресытившись. Вот, например, сердце Кристофа. Подарил цветок, пообещал ждать как соперника... а теперь вот только смеется и на глазах Кристофа целует совершенно непонятного типа!

И не пил он почти. Только немного. Да только с утра не хотелось есть. Вот и тепло теперь. Зло, отвратно, отчаянно. И спектакль скучный... был бы. Да заметил Джакометти в антракте болезненно знакомую фигуру в темном камзоле. И чего забрался на верхние ложи? Видно плохо, слышно тоже не очень, билеты, правда, дешевые. А может, именно поэтому?

- Кристоф Джакометти, - представился он тому, с кем Виктор посмеивался у окна. Собеседник объекта кривой любви кивнул, улыбнулся.

- Стефан.

Кристоф не выдержал.

- Стефан... а дальше?

Виктор как-то непристойно облизнулся.

- Это действительно важно?.. Ланге. Если желаете. Или что-нибудь другое, что понравится.

Кристоф чуть челюсть не потерял. Так свободно и почти нагло общающегося с аристократами выходца из более низких сословий он еще не встречал.

Виктор хохотал и обнимал своего собеседника за плечи. А потом поцеловал.

Больше ревность Кристофа не смогла уснуть.

А тут... поди ж ты.

Алкоголь и отчаяние стучали в голове, в сердце, шептали десятков выходов из ситуации.

Стефан как нарочно медлил возвращаться.

Кристоф пошел следом.

Подняться выше второго этажа Стефан не успел. За руку схватили, дернули, впечатали в стену, зажимая рот, нос, неумело, крепко, возбужденно, зло. За шею – так, что синяки останутся, ни дышать, ни говорить, все так же неумело – в самом деле, ну кто ж руки-то свободными оставляет?!

Благо, Стефан успел увидеть напавшего – до того, как стукнулся затылком и зажмурился от боли.

Тем временем агрессор одумался и теперь зажимал рукой только рот, не мешая дышать.

И намертво в шею вцепился. И в стену вжал так, что не пошевелиться. Хотя руки-то свободны. Ну что за дурень... секунд черед десять Стефан от звездочек проморгался и глаза открыл. Держали, надо сказать, с неослабевающей яростью.

Не вырваться.

Яков старательно деликатно прокашлялся.

- Ничего не путаешь? Это Крис-то способен удержать, оставив руки свободными?

Йозеф хмыкнул.

- Яков, ты моего лося давно вблизи видел? Ему что приспичит – я с дороги отодвинуть не

смогу. Сто восемьдесят три сантиметра заинтересованности и тренированности... Да уж, на таком сравнении невысокий и худощавый Стефан откровенно проигрывал. Сколько в нем? Почти на голову Кристофа ниже. Виктора – малость поменьше. И обоих строит так, что любо-дорого... Яков зло рыкнул.

- Дальше рассказывай.

- Очнулся? – хрипло возрадовался Крис.

«Строго говоря», - мысленно поправил его Стефан, - «сознание я не терял, хотя было весьма неприятно». Но смысл спорить с агрессором, от которого пахнет крепким алкоголем? Так что пришлось ограничиться едва заметным кивком. Шею было очень больно.

Кристоф наклонился, жарко и зло выдохнул. Липко провел языком по скуле, резко дернул воротник, начал покрывать шею поцелуями-укусами, чуть голову при этом жертве не свернув.

Дожили.

Отодвинуть, естественно, не получилось. Хотя Кристоф, заметив сопротивление, обрадовался еще больше. Словно того и хотел.

Но, как уже было сказано, нечего оставлять руки свободными. Ладонь Крису попытались сдвинуть.

Кристоф выглядел совершенно осчастливленным.

Да что за ролевые игры?!

- Только попробуй заорать, - известили озадаченного грубым обращением Стефана. – Не имеешь права, не посмеешь отказывать аристократу, слышишь, ты?..

Совсем неожиданно. Тем и интересно.

Стефан и кивнул.

Ладонь с губ убрали медленно, словно опасаясь, что жертва все же попробует позвать на помощь. Хотя кто ему поможет? Посмеются и посоветуют Джакометти выбрать место поудачнее, а не прерывать спектакль своими индивидуальными развлечениями. Так... легкое порицание, и не более того.

- Мне это как понимать, Кристоф? – вполне спокойным тоном, даже негромко поинтересовался Стефан. Агрессор взорвался, встряхнул за плечи, чудом второй раз не приложил о стену.

- Ты!.. Как понимать?! Нет, а Виктор?! Виктор...

- Что-то случилось с Виктором?

Кристофа перекосило.

- Что-то случилось с Виктором?! – почти заорал он шепотом. – Виктор! Виктор! Всех волнует Виктор! Все думают о Викторе! Никого не интересует, что думает Кристоф Джакометти...

Стефан пытается все это слушать с вежливым и внимательным выражением лица. Шею тянет – неаккуратные действия теперь пару дней ему спокойно двигаться не дадут. И придется выбирать рубашки с высоким воротником. Кристоф нетрезв и Кристоф крайне неаккуратен.

- А что думает Кристоф Джакометти?

Крис с рычанием встряхивает его за плечи снова, вжимает в стену, вцепляется в и без того покрытую отметинами кожу, рвет ткань ниже. Пытается порвать. Стефан досадливо провожает взглядом отлетевшую пуговицу. Мда.

- Крис.

Тихое обращение – на ухо, совсем негромко и почти ласково – заставляет агрессора

притормозить.

- Крис, не рви мне одежду. Дорого же стоит.

- Ох, извини, - на автомате бормочет Джакометти. Отлично. Вменяем, если пробить в нужную точку. Невменяем по всем остальным направлениям. Стефан вздыхает и накрывает вцепившиеся в его рубашку пальцы своими ладонями.

- Потихе, Крис. Ты посмотри – там просто много мелких пуговиц. Чуть аккуратнее – их несложно расстегнуть. Не рви мне одежду.

Кристоф зачарованно облизывается и слушает, как ему всю эту чушь рассказывают.

Встряхивает головой, зло дергает ткань - но уже не рвет, просто выражает недовольство. Мда-а. Скалу сдвинуть с места не пробовали? Вот и Кристофа Джакометти тоже.

- Ты куда собрался? – выливается на Стефана еще одна порция ярости и отчаяния. – Нет уж. Виктор, Виктор, Виктор. Я спрашивал – ты не спал еще с Виктором.

А это-то тут причем? Кстати, логичнее сцену ревности закатить после, а не до...

Стефан пожимает плечами и продолжает слушать с вежливым вниманием.

- Я у него это заберу. Надоело! Виктор, Виктор. Виктор всегда первый!

- Что именно? Хм... меня?

Кто, а не что, в таком случае. Хотя кто-то только что рычал в лицо о своем статусе в обществе.

Кристоф встряхивает головой. На виске блестят капельки пота.

- Ты мне не нужен. Но сделаю тебя своим. Первым буду. Возьму первым, я, а не Виктор...

Вежливое, вежливое внимание.

- Ты меня так хочешь, Кристоф?

- Нет!.. то есть, да, то есть...

Стефан изучает лестничный пролет за плечом агрессора.

- Виски?

- Что?..

- От тебя пахнет виски? Или бренди?

- Ром... - выдыхает Кристоф. И снова начинает злиться. – Я пьян, да? Это хочешь сказать? Какое ты вообще имеешь право осуждать аристократа, а, Стефан?.. Как там тебя... забыл... неважно, верно?!

Как все сложно-то, оказывается. И, вообще-то, - да, ты пьян, Кристоф Джакометти.

Стефан снова пожимает плечами.

- Мне нравится, как от тебя пахнет крепким алкоголем. Я просто поинтересовался, каким именно. Что тебя так разозлило?

Кристоф озадаченно умолкает. Значит, ему еще не разрешают безконтрольно пить крепкие напитки... раз так ждал порицания. Так. Сколько же ему... на два года младше Виктора?..

Семнадцать.

Безответно влюблен в прекрасного принца, а принц в упор не видит. Вот и сорвался.

Стефан никогда не имел ничего против друзей тех, кто ему симпатичен. Тем более против друзей своего принца.

- Для рома неподходящее время суток, - задумчиво констатирует он.

И неподходящий возраст для того количества, которое ты, Кристоф Джакометти, выпил.

- А тебе-то что? – снова злится Крис. Но уже потихе.

- Нет. Ничего. Но сочетание вполне достойное.

Кроме количества выпитого и твоего поведения в итоге, Кристоф Джакометти.

Крис удовлетворенно урчит и снова наклоняется целовать – благо, хоть аккуратнее. Мда-

а. Стефан продолжает рассматривать лестничный пролет и перебирать варианты дальнейшего развития событий. В общем-то, мирного никак не получалось.

От того, как на макушке перебрали крашенные прядки, Кристоф чуть не подскочил. За руки дернулся схватить. Слишком поздно – не умеешь ты, Джакометти, не умеешь. Впрочем, относительно мирный исход без вмешательства посторонних Стефан предусмотреть успел.

- Что такое, Кристоф?.. Нельзя тебя трогать?

На самом деле, озадаченный друг Виктора – презабавнейшее зрелище. Только в стену вжимает похлеще скалы.

- Я буду первым. Ты будешь моим, а не Виктора.

- Я услышал. Хм... тогда поедем отсюда?

Чем меньше осведомленных – тем лучше. Да вот только Кристоф имел совсем другой настрой.

- Еще чего. Много времени это не займет, спектакль уже начался... нам никто не помешает...

Совсем великолепно.

- Кристоф, я просил не рвать мне одежду, - пальцы агрессора снова накрыли, слегка поглаживая. – Хорошо, информирую. Я давно ни с кем не был. Слюны тебе будет явно недостаточно. Тебе действительно хочется – *так?*

Конечно, не хочет. Это не очень трезвый – очень нетрезвый! – семнадцатилетний парень, который привык обольщать и соблазнять, а уж никак не насиловать.

Кристоф подозрительно неприятно ухмыляется. Выдергивает руку и показывает стеклянный флакончик.

- Я подготовился, - сообщает он.

Черт.

Вообще-то, самое сложное сейчас – не выгнуть бровь в ехидном и саркастичном вопросе без слов.

Пошевелиться Кристоф снова не дает, наваливается, обдаёт жарким дыханием. Кстати, не очень-то уж и приятно.

- Даже не думай. Виктор на этот раз проиграл. Я буду первым.

Боже, да будешь, будешь.

- Ладно.

Кристоф не верит. Облизывает губы.

- Ты согласен? Да? Серьезно?

- Да ты меня на месте убьешь, если я откажусь, - позволяет себе капельку сарказма Стефан. Не убьет, конечно. Может быть, врежет. Ну и радости?.. Светским сплетням в коллекцию, разве что.

Кристоф слишком обрадован. Зол, в нетерпении, за плечо разворачивает – вообще, сегодня закончатся попытки организовать одному ни в чем неповинному (на сей раз) австрийцу незапланированное сотрясение мозга?

- Хочешь, чтобы я Виктору об этом сказал? Или сам скажешь? – почти с интересом косится Стефан через плечо.

- Не скажу. И ты не скажешь. Потом. Когда он радоваться будет...

Жестоко. У кого это Кристоф набрался таких идей? Впрочем, светские сплетни и не такому могут научить. И еще помнить, чтобы самому губы не прикусывать. И так красивому идти.

- А ведь Виктор – твой друг.

- Соперник! – выдыхает Кристоф. Снова больно кусает в шею. – Только я теперь первый.

Я...

- Ты.

Почему бы и не подтвердить? Кристоф пьян, Кристофу сейчас – отлично, лучше, чем когда либо. Люди забавны, люди отдают состояние и репутацию за мгновения триумфа. Правда, этот человек, который использует его тело как разменную монету, – еще и друг Виктора. А это вносит определенные сложности. Например, связанные с необходимостью исключить еще чье-либо вмешательство. Мда. Та еще задача.

Кристофу совсем немного надо – действительно, «много времени это не займет».

- Доволен?

- Вполне, - урчит Кристоф, щурит зеленые глаза с поволокой. Счастлив, так счастлив, так упивается восторгом. – Что мне медали, что мне грамоты, я отобрал у Виктора победу в том, что для него сейчас ценнее всего...

Джакометти уходит, не оборачиваясь. Пошатывается – от алкоголя, от удовольствия, от осознания триумфа. Стефан, наконец, позволяет себе циничную и саркастичную ухмылку, заканчивает поправлять одежду и наклоняется, чтобы поднять свою пуговицу. Незачем оставлять улики, в самом-то деле.

- Да ладно? Вот так просто взял и позволил? Эта-то дрянь... хотя с таким прогнившим нутром...

Яков, серьезно подзахмелев, слегка успокоился и про чужие злоключения слушал даже с маленькой долей сочувствия.

- Мотивов тебе поведать не могу. Но ниточки, на которых судьба Кристофа была подвешена, он держал и одним движением руки оборвать мог не раз, не два и не три даже. И не оборвал.

- А герой драмы утром-то хоть вспомнил, что творил?

Карпичек очень выразительно хмыкнул.

- Герой драмы наутро проспался, вспомнил и приполз ко мне каяться. В полнейшем ужасе. Потому что где у меня обычно Кристоф и где алкоголь...

Долгий допрос дал Йозефу хотя бы одну подсказку относительно того, где можно было бы найти попавшую под каток ревности Криса жертву. Впрочем, хватило и одной подсказки. «Стефан говорил, что любит смотреть с пирса на море», - давился осознанием сделанного и попыткой позавтракать Кристоф. На заброшенном пирсе, собственно, наблюдалась только одна фигура. Йозеф особо набожным не был, но покровителей помянул и пошел вперед, не скрываясь.

На приближение обернулись, одарили пристальным взглядом и на том внимание оборвалось.

Йозеф подошел к краю, на который время от времени забиралась волна, почти доставая до сапог.

- Зачем вы пожаловали?

Действительно, кавалер у подопечного Якова невысокий, худощавый и, если бы не морщинки в уголках глаз да жесткая усмешка, легко бы сошел за ровесника Виктора или Кристофа. Или даже выглядел бы младше. Неудивительно, что впрямую с обозленным Кристофом ему не было и шанса справиться.

- Поблагодарить.

- Благодарите. За что именно?

Карпичек помолчал, собираясь с мыслями, хотя варианты диалога прокручивал в голове с утра. И, надо отметить, сейчас разворачивался далеко не худший из них.

- У Кристофа с утра на лице ни кровинки. И дело не в выпитом вчера...

Собеседник молчал, рассматривая волны. Ни ехидства, ни вежливого сочувствия. Ни, тем более, открыто враждебного отношения.

- Признаться, его сбивчивую исповедь я поначалу не услышал так внимательно, как стоило бы. И лишь потом, вспоминая его слова о том, как вы, позвольте, процитирую, «все это время пытались успокоить и гладили по пальцам», едва не потянулся к сердечным каплям.

Стефан пожал плечами.

- Позвольте вас поблагодарить за то, что не переломали Кристофу все пальцы. Это сгубило бы не только его карьеру, но и его самого.

Снова – такой же жест. А ведь сломать мог – трижды. И это исключая самое начало стычки, когда агрессор так неосмотрительно оставил руки свободными...

- Почему, Стефан?.. Никто не видел ни вас, ни Кристофа на том пролете. В том, что вы подняли руку на аристократа – признаю, очень заслуженно! – не было бы обвинителя.

- Только не стоит считать это высокоморальной жертвой.

- Чем же прикажете считать, в таком случае?

Собеседник Йозефа, наконец, отвел взгляд от волн.

- Во-первых, Кристоф – друг моего принца. А Виктор бы расстроился, случись с другом серьезная беда. Во-вторых, Кристоф - не насильник. Грубовато получилось, но по большому счету мое согласие, хоть и весьма сомнительное, он получил. А в-третьих...

- В-третьих?

- Человек, привыкший зарабатывать на жизнь шантажом, найдет, как использовать эту ситуацию... в своих интересах. Уж поверьте.

Карпичек подавился. Да уж, ничего не скажешь, кавалер у Виктора... интересно, а Яков-то в курсе?!

- Не хотелось бы становиться объектом шантажа, - признался он. – Стефан... мой воспитанник придет к вам с извинениями. И я закрою глаза на любую потребованную вами компенсацию. Конечно... если вы все же не решите переломать ему пальцы.

Оказывается, когда обветренные губы изгибаются в улыбке, Стефан становится очень привлекательным и притягательным. Таким видит Виктор человека, приносящего ему пирожные и завязывающего ленту на волосах? Карпичек никак не мог наложить эту улыбку на ту жесткую усмешку, которую увидел, когда только пришел сюда.

- И эта мразь, откровенно заявившая вам о шантаже, приняла извинения?! Да ни в жизни не поверю! Такие, как он, безропотно оскорбления не глотают...

- А он и не стал. Отомстил изощренно и сильно. Да, впрочем, все равно я ему благодарен. Яков слушал и не верил своим ушам. За месть остаться благодарным?! Да, конечно, что Виктор, что Кристоф – короткое и емкое «оторвы» им в характеристику, но!..

- Что сделал? – буркнул он, наконец. Врага надо знать в лицо. И предел фантазии за оскорбление и насилие – тем более.

На Кристофа смотреть было жалко. И дело, действительно, было совсем не в выпитом накануне. Стефан, впрочем, не удержался.

- Выглядишь... бледным. Чем могу улучшить твое состояние, Крис? Воды? Горячий чай? Что-нибудь покрепче... хм... ром?

Кристофа, казалось, вывернет на месте.

- Лучше сразу врежь.

- По поводу? – деланно изумленно выгнул брови Стефан.

- Скотина я, - абсолютно честно сознался Джакометти, напрочь забыв про куртуазность, и зажмурился. И от того, как по скуле потрепали, чуть не подскочил.

- А я вот – нет, - поделился Стефан с округлившимися зелеными глазами, ради разнообразия, чистыми и совсем без поволоки. Кристоф попробовал информацию осознать. Кое-как получилось.

- Тогда... сразу скажешь, как... ох... чем... кхм. Стефан!

- Что пожелаю в качестве компенсации?

- Ага.

- Во-первых, ты никогда не проговоришься Виктору про свой поступок и, тем более, про его мотивы. Это понятно?

- Абсолютно, Стефан... о, черт. Прости, я не хотел издеваться!

- Хм. Сделаю вид, что поверил.

Кристоф замялся, покашливая.

- А во-вторых? – осторожно напомнил он.

- А во-вторых, я порой алчен и требую несоразмерного, - ухмыльнулся собеседник. – Проведешь со мной три ночи, как того пожелаю я. Не подряд, конечно же, более того, на твой выбор – пятница, суббота... чтобы ты мог отдохнуть на следующий день.

Кристоф зажмурился снова и торопливо закивал. Чтобы Стефан не придумал, это точно лучше, чем молчаливое неодобрение наставника.

Яков мрачнел на глазах и, казалось, очень хотел убить. Ну хоть кого-нибудь.

- И эта тварь действительно позволила себе трижды избить твоего воспитанника? И ты ему позволил?!

- Вот этому я бы ничуть не удивился. Позволил бы – другой вопрос...

Фельцмана проняло.

- Не избил?

- Вообще не тронул, если ты об этом, - Йозеф потер лоб, признавая, что перегнул палку с обещанием «закрывать глаза на любую компенсацию». – Хуже, друг мой, все веселее, изощреннее и хуже.

- Куда уж дальше...

- Был ласков и заботлив. Невменяемо ласков даже для Криса!..

На мрачной физиономии Фельцмана легко читался вопрос, а в чем же тогда месть?..

Карпичек только руками развел.

- В итоге красавец по имени Кристоф Джакометти, разбивший пару сотен тысяч женских сердец далеко не в одной стране, при всей своей куртуазности и прочих равных условиях предпочтет роль принимающего партнера в отношениях с женщиной. Так что ради всего святого прошу тебя, Яков! Три раза подумай, прежде чем вмешиваться в общение Стефана с кем-либо, тем более с Виктором. В моего Кристофа он хотя бы не был влюблен...

Такой любопытный принц!

Чувствует себя Кристоф, прямо скажем, преотвратнейше. А Виктор доволен, Виктор всегда доволен, когда рядом этот его...

Стефан.

Кристофу хочется завывать в голос и стукнуться лбом о стенку, об ограждение, о первый камень на дороге. Чтоб искры из глаз посыпались. У Стефана, небось, посыпались, когда Кристоф его затылком приложил. И это единственное, за что Джакометти получил выговор!

Хотя нет, не совсем.

«Никогда не оставляй руки свободными, Крис».

После этого Джакометти был готов провалиться сквозь землю. От затребованной компенсации на ногах устоял, даже обрадовался и закивал, радуясь, что сможет самостоятельно сделанное исправить, а вот после этого замечания пошатнуло так, что Стефан умолк, покачал головой и велел сесть. И больше не издевался.

А Виктор доволен. Заметил, наконец, что Стефан не очень-то охотно на заигрывания отзывается, уgomонился, сел рядом, голову на плечо положил и что-то на ухо мурлычет. А Кристофу даже не предложили себе развлечений в сторонке поискать. Хочешь – следом ходи, не хочешь – не ходи.

- Какие-то вы сегодня оба... не такие! – капризно протянул Виктор при первой же попытке Кристофа оставить парочку наедине. – А тебя какая муха укусила?

Крис дежурно поморгал, воззрился честно и невинно.

- Вик, ты не поверишь, у меня такое чувство, что я мешаю свиданию влюбленных!

Виктор охотно рассмеялся.

- А ты не мешай, ты сделай вид, что подглядываешь...

- Не друг, а извращенец какой-то. Стефана даже не спросишь, что он про твои фантазии думает?

- Стефан не против, - отмахнулся Виктор. Обернулся, засомневавшись, получил едва заметный кивок и успокоился.

Кристоф решил слегка обидеться.

- В таком случае, мне за вами крайне скучно подглядывать. Больше страсти, господа, больше страсти!.. – продекламировал он, впрочем, весьма негромко, чтобы не привлекать внимания тех, кто использует парк по назначению, а не в виде плацдарма по тренировке секс-фантазий в извращенной форме.

Виктор обрадовался. Решил, что дружка расшевелил. Обратил все свое бурное внимание на Стефана, повис на плечах.

- Ты редко носишь платки...

- Настроение такое.

Виктор повисает основательнее – и Крис обмирает. Потому что Виктор повисает именно там, где должны были уже проявиться следы его непутевого поведения. Потому что Стефан едва заметно кривится и, кажется, хочет отодвинуться.

Естественно, Виктор замечает. Отодвигается сам и смотрит требовательно, оскорбленно.

- Что случилось?

- Прости, принц.

- Сте-фа-ан.

- М?

- Хочу знать.

Кристоф ловит слегка рассеянный взгляд черных глаз и виновато вздыхает. Он бы и

объяснил, и покаялся, но – «не смей говорить Виктору о произошедшем, и тем более – о собственной мотивации».

Впрочем, Виктор уже жмурится и заинтересованно разглядывает узел шейного платка.

- Хочу увидеть, - требует он.

- Смотри.

- Покажи.

Стефан слегка насмешливо приподнимает брови.

- Разве принц не любит делать все сам?

Виктор доволен, Виктор фыркает и садится верхом на колени к мужчине, напрочь игнорируя все правила приличного поведения.

- Следы бурной ночи? – интересуется Виктор, вдумчиво стараясь распутать сложный узел, выглядящий слегка небрежно и немного франтовато.

- Можно и так сказать.

Виктору весело.

- А если принц запретит?

- Хм. Что принц запретит?

- Если. Принц. Запретит... - по слову смакует Виктор, старательно распутывая тонкую ткань, со вкусом трогает края. Наслаждается. – Если я скажу, что не хочу, чтобы ты с кем-либо еще... чтобы ты... был чьим-то еще, кроме меня? – сбивается Виктор со своего пафосного и заигрывающего тона.

- Будет сложно, - пожимает плечами Стефан. – Действительно этого хочешь?

Виктор жмурится. Виктору – отлично. Кристофу – стыдно.

- Хочу, - сознается Виктор. – Но... принц не хочет...

- М?

- Как ты это навертел?

Стефан недоуменно хмурится и коротко смеется.

- Принц, ты смотри внимательнее, тебе ведь потом это восстанавливать.

- Не-а.

- Хм?

- У тебя лучше получится.

- Вероятно, да, - согласно кивает Стефан. – Так чего не хочет принц?

- В чем-то тебя ограничивать.

Кристофу кажется, что у кавалера Виктора глаза становятся совсем-совсем черными, и это совершенно не злость. Такие вот у них странные отношения – требовательный и избалованный аристократ плюс... Как назвать Стефана, Крис не знает. Но Стефан говорит – «принц», Стефан выполняет все капризы своего принца, другой бы воспользовался, а Виктор – наслаждается самим осознанием вседозволенности. Хотя кто знает – как они общаются наедине.

Виктор, наконец, справляется с шелковой тканью. Водит кончиками пальцев по коже, задевает косточки под яремной впадинкой. Всего-то осталось – потянуть и увидеть, а Виктор медлит. Наслаждается получаемым удовольствием. Воротник отгибает, жмурится.

- Я хочу увидеть, - повторяет он, начиная медленно тянуть за конец платка.

- Смотри.

Кристоф делает вид, что заинтересован чем-то поодаль. Он-то смотреть не хочет, он-то подозревает, что может увидеть.

- Оу, - тянет Виктор.

Крис вздыхает и пристально смотрит на качающуюся ветку за головой Виктора. Ни на

сантиметр ниже.

- Ты хотел увидеть, принц.

- Так я смотрю, - возмущенно ворчит Виктор, а Крис понимает – друг смущен и не знает, как реагировать. Хочется посмотреть, хочется опустить взгляд, это хуже, чем катастрофа – не отвести глаз, а ведь понимаешь – не нужно оно тебе...

«Следы бурной ночи»? Надо быть очень... вежливым, чтобы это так назвать. Кристофу стыдно настолько, что хочется пойти и приложиться лбом о стену, о камень, и не один раз, желательно. Сплошной лилово-фиолетовый синяк. С переливами. Наверное, Виктор сможет разобрать, где... целовали. Если вообще можно так назвать.

Виктор тянется – кончиками пальцев, от напряжения облизывается, приоткрывает губы.

- Я осторожно, - успокаивает он, хотя Стефан даже не делает попытки отклониться или задержать его руку.

- Конечно.

- Я хочу дотронуться.

- Кто ж тебе запрещает, принц?

Виктор дотягивается, наконец. Обводит каждую отметину – Кристофу видно только сплошное пятно и переливы, а Виктор, наверное, может рассмотреть с такого близкого расстояния.

Виктор выдыхает и снова облизывается.

- Я хочу... - тянет он и умолкает. Кристофу слишком хорошо знакомы эти нотки.

Предвкушение. Желание. Виктор любит флиртовать, Виктор любит соблазнять. Виктор падок на все необычное. Виктор никогда не видел таких следов – он аккуратен, хотя и игрив, но никогда не позволил бы себе того, что ты сотворил в нетрезвом виде, Кристоф Джакометти.

Виктор тянется вперед, прогибается, трогает багровый край и запекшуюся корочку языком.

- Почему такая горячая?

- Это все-таки рана, принц.

- Воспалилась?

- Нет. Просто рана.

Кто-то в этом парке совсем некуртуазно лжет.

Виктор морщит нос, наклоняется ниже, водит по коже губами – не целует, пробует.

Выглядит эротично. Кристоф ловит себя на том, что смотрит – уже жадно.

Скотина ты, Кристоф Джакометти.

- Я тоже хочу, - заявляет Виктор, выпрямляясь и снова опускаясь всем весом на колени партнера. Стефан молчит и, кажется, слегка не понимает, что от него снова требуют.

- Это очень болезненно, Виктор, - наконец, формулирует он наиболее нейтральное предупреждение.

- Я осторожно! – встряхивает Виктор головой.

Кристофу смешно. Так может только Виктор, ну правда же, заявлять, что он осторожно наставит синяков?! С полной уверенностью в собственной правоте!

Стефан молчит. Долго.

И отклоняет голову в сторону. Закрывает разрисованную лиловыми и бордовыми разводами сторону. Подставляет здоровую.

Виктор в полном восторге.

Но Виктор не умеет. Целует – да. Прикусывает – да. Опирается ладонью о чужое плечо, косится на «образец», сопит недовольно.

- Я хочу так же.

Очаровательное в своей наивности требование. Виктор всегда был падок на необычное.

- Кусать не стоит. Скорее, это похоже на попытку втянуть что-то густое... кисель, например.

Кристофу хочется рассмеяться вслух и закрыть уши. Виктора действительно учат оставлять такие вот следы?! Нет, серьезно? Виктор слишком хороший ученик, он же попробует сейчас...

- Если прикусываешь, останется... то, что ты пробовал на вкус, принц. Рана.

- Я не буду кусаться, - обещает Виктор, а Кристоф понимает – будет. Не сейчас, не здесь, но будет обязательно. Виктор всегда хочет самого запретного, самого непредсказуемого. Обычно Виктор получает все, что хочет.

- Не стоит кусать над крупными артериями, это опасно.

Конечно, Стефан прекрасно весь этот настрой понимает. А Виктор понимает слово «опасно» из уст своего взрослого партнера.

- Ага. Я осторожно, - обещает Виктор. Наклоняется и начинает воплощать желаемое.

Урчит от удовольствия, устраивается поудобнее. Виктора, скорее всего, уже завели и собственные действия, и вседозволенность, просто Кристофу не видно из-за позы.

Виктору надоедает нескоро. Примерно к тому моменту, когда следы его первых «опытов» начинают темнеть. Виктор жмурится, как сытый кот, и трогает кончиками пальцев уже следы собственных действий.

- Когда будет выглядеть так же?

- Завтра.

От жадного вдоха прошивает уже Криса.

- Тогда хочу видеть тебя завтра.

- В любой момент, принц.

- Ммм... вечером. Так же. Здесь. Хочу.

- Принц, я надеюсь, ты не сбегаешь с занятий ради подобного времяпровождения?

Виктор отводит взгляд в сторону с таким блудливым и озорным видом, что Крис понимает – если не сбегаешь, то сильно сокращает время тренировок. И добирает его потом вечерами, что не сильно соответствует режиму.

Зато Крис знает, как поддеть слишком довольного Виктора.

- Теперь мне интересно наблюдать! – довольно громко заявляет он.

- Что, понравилось? – тут же реагирует Виктор, разворачиваясь всем корпусом.

- А тебе?

Виктор тут же снова изображает блудливое и озорное выражение.

- Да-аже не знаю, - успевает протянуть он, постукивая подушечкой указательного пальца по своим губам.

Стефан почти равнодушно складывает платок, заматывает следы.

- Понравилось? – эхом интересуется он. Теперь Виктор серьезнеет и чуть хмурится.

- Скорее да, чем нет, - наконец, решает он.

Вид у Стефана, с которого Виктор стаскивает платок, едва дождавшись такой возможности – жутковатый. Конечно, слева картина гораздо страшнее – там отметины ставила злость пополам с отчаянием, а справа – отдельные всполохи, следы несдержанности и любопытства.

- Красиво, - жмурится Виктор, тянется трогать с обеих сторон, изучает, начинает дышать тяжелее.

- Действительно нравится, принц? – чего в вопросе больше, вежливого интереса или отстраненности, Виктор не понимает. Но ему не нравится. Он резко толкает партнера на

землю. Садится сверху – уже привычным жестом.

- Красиво – не значит «нравится», - сообщает он, тянется трогать языком отметины от собственных укусов и вчерашний воспаленный след.

Своего Виктор добивается – в почти черном взгляде отражается удивление. Виктору это нравится. Виктор шарит по карманам, вытаскивает небольшую баночку. Тянется отогнуть воротник.

- Что ты делаешь, принц?

Виктор сопит и морщит нос.

- Почему ты не лечишь? – настойчиво интересуется он. Подцепляет мазь, растирает сначала по собственным отметинам, потом – гораздо аккуратнее – старается закрыть все то, что так его поразило вчера. Почти половину содержимого изводит, старается. А Стефан закрывает глаза и чуть заметно пожимает плечами, не мешая.

- Зачем? Быстрее не заживет. Разве что на два или три дня...

- Но будет меньше болеть! – живо спорит Виктор. Возмущенно раздувает крылья носа. – Сейчас высохнет немного. Я пока... вот, держи.

Стефан удивлен, но бинт держит. Принц же велел. Вот Виктор и пользуется.

Старательно закрывает полосками широкой и мягкой ткани, потом бинтует. Умело так.

На себе натренировался, профессиональные танцоры умеют это в совершенстве.

- Меньше же болит? – требовательно интересуется Виктор. Хмурится.

- Почти не чувствую.

- Почему ты сам не... ничего подобного не сделал?

Стефан тянется за платком: все же бинт – это тоже совсем не то, что стоит выставлять на всеобщее обозрение. Пожалуй, последний вопрос принца останется без ответа: саркастичное «а что, так тоже можно было?» - это явно не то, что хочет услышать Виктор.

- Не успел, - нейтрально качает он головой, сооружая узел. Виктор фыркает, следит за неторопливыми и уверенными движениями.

- И как ты это только наvertеть умудряешься... с ума сойти.

- Спасибо, - произносит Стефан. Больше Виктор про способы завязывания шейного платка не заговаривает.